

¹⁶ См.: Бибилов С. Н. Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала. С. 95—138.

¹⁷ См.: Там же.

¹⁸ См.: Там же.

¹⁹ См.: Шорин А. Ф. Доандроновское погребение могильника Березки V в горно-лесном Зауралье. С. 68—79.

²⁰ См.: Беспрозванный Е. М., Старостина Е. Е. Погребение в Нижнем Прииртыше // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск, 1986. С. 33—38.

²¹ См.: Берс Е. М. Поздненеолитическое погребение на р. Ая в Среднем Зауралье // СА. 1976. № 4. С. 190—200.

²² См.: Викторова В. Д. Сосновый остров — стоянка эпохи неолита и бронзы Среднего Зауралья // СА. 1968. № 4. С. 165—167.

В. М. МОРОЗОВ, В. И. СТЕФАНОВ
Уральский университет

АМНЯ I — ДРЕВНЕЙШЕЕ ГОРОДИЩЕ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ?

Предлагаемая статья посвящена уникальному памятнику — укрепленному поселению каменного века Амня I. Оно расположено в северотаежной подзоне, на правом берегу р. Амни, недалеко от впадения с левой стороны в Казым — правый приток Оби в ее нижнем течении. Ближайшее селение — бывшая фактория Казымская культбаза, а ныне поселок оленеводов Казым — находится в 6 км к западу.

Памятник занимает подтреугольную площадку на мысовидном выступе боровой песчаной террасы, окруженном с трех сторон верховым болотом (рис. 1А). Терраса, имеющая в данном месте высоту 7—8 м, полого понижается к оконечности мыса, его северо-западный и южный склоны довольно крутые. До реки 0,7 км на юго-запад. Терраса покрыта сосновым лесом с примесью кедра, почвенный покров состоит из брусничника и лишайников. В рельефе поверхности хорошо выражены два поперечных рва, ограничивающих мыс со стороны берега, и восемь жилищных впадин (1—8), расположенных на образованных рвами площадках. Слабоизогнутый внутренний ров шириной более 3,5 м и глубиной около 1 м имеет длину 25—26 м. Внешний ров, протяженность которого около 55 м при ширине 2,5—5 м и глубине до 1,5 м, более сложной конфигурации: он разомкнут в двух местах, а составляющие его отрезки образуют почти прямой угол, вдающийся в глубь террасы. Расстояние между концами рвов на северо-западном склоне мыса составляет 8 м, на южном склоне оно превышает 25 м и в средней части между рвами — почти 35 м. На ограниченную ими подчетыреугольную площадку можно попасть по двум проходам: северному — шириной 2 м и восточному — шириной около 7 м. Второй из них являлся, по-видимому, основным.

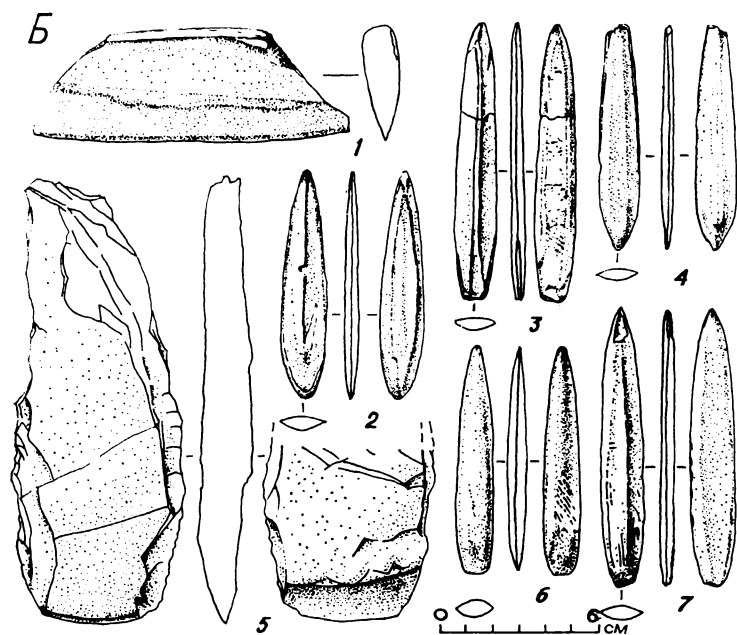
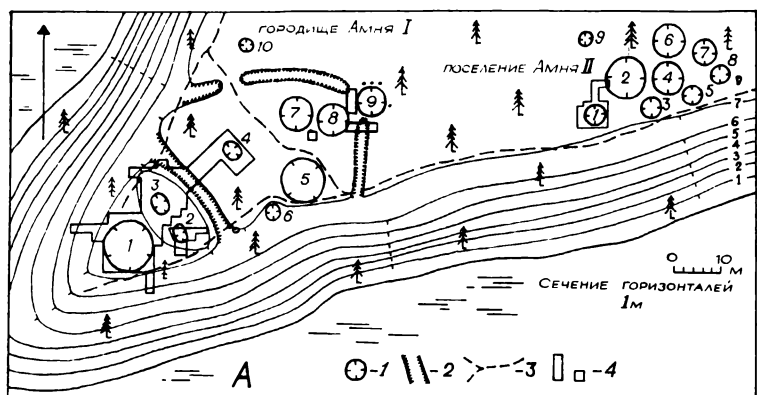

Рис. 1. Городище Амния I:

А — план городища Амния I и поселения Амния II:

1 — жилищная впадина; 2 — ров; 3 — лесная тропа; 4 — траншея, шурф;

Б — каменный инвентарь городища Амния I:

1, 2, 4, 6 — жилище 1, 3 — жилище 3, 5 — жилище 4, 7 — между жилищем 1 и постройкой 2

На первой от конца мыса площадке, имевшей подтреугольную форму, располагались три впадины (1—3), в том числе самая крупная на поселении впадина 1 — диаметром более 11 и глубиной до 1,4 м. На второй площадке зафиксировано пять жилищных впадин (4—8) круглой и округло-овальной формы, различавшихся своими размерами (от 3,5—4 до 10 м в поперечнике и до 1 м глубиной).

Интересно расположение впадины 8 и находящейся за пределами укрепленной части поселения впадины 9: они как бы преграждают доступ к основному проходу через ров изнутри и снаружи (рис. 1А, 2А). Ближе к внутреннему рву располагалась впадина 4, около южного склона находятся впадины 5 и 6, центральная часть второй площадки была, по-видимому, свободной от углубленных в землю объектов.

Еще одна впадина (10) находится рядом с укрепленным поселением — в 3 м к северу от северного прохода. Пожалуй, следует обратить внимание на одну особенность, отличавшую впадину 9 от прочих: она заросла багульником, тогда как во всех других растительный покров представлен ягелем и брусничником. Кроме того, рядом с ней — с северной и восточной сторон — на поверхности видны небольшие мелкие углубления, характер которых неясен.

Общая площадь городища составляет около 1260 м², в том числе первой площадки — не более 380 м², второй — около 880 м².

В 40 м к востоку от укрепленного поселения находится группа компактно расположенных впадин энеолитического поселка Амня II (рис. 1А).

Городище Амня I исследовалось авторами в 1987—1989 гг., вскрытая площадь составила почти 400 м². В процессе раскопок была выявлена еще одна линия укреплений, по-видимому, самая ранняя на памятнике. От нее сохранился прямой поперечный ров (I), перерезавший мыс в 6,5 м к северо-востоку от впадины 1. Этот ров не имел никаких внешних признаков, так как был засыпан во время строительства новой оборонительной системы, включавшей широкий и глубокий ров (II) и частокол из вкопанных вертикально бревен (рис. 2А).

Таким образом, рвы I и II не могли функционировать одновременно. Засыпанный ров в двух местах был прорезан (?) котлованами построек 2 и 3 (номера исследованных объектов соответствуют номерам впадин). Жилище 4 могло быть построено одновременно или чуть позже жилища 1, но бесспорно то, что обе постройки функционировали в период существования ранней оборонительной системы (ров I).

И, наконец, через несколько веков после того, как городище Амня I перестало существовать, в образовавшейся над котлованом жилища 1 впадине было построено еще одно жилое сооружение (рис. 2А), давшее оригинальный материал

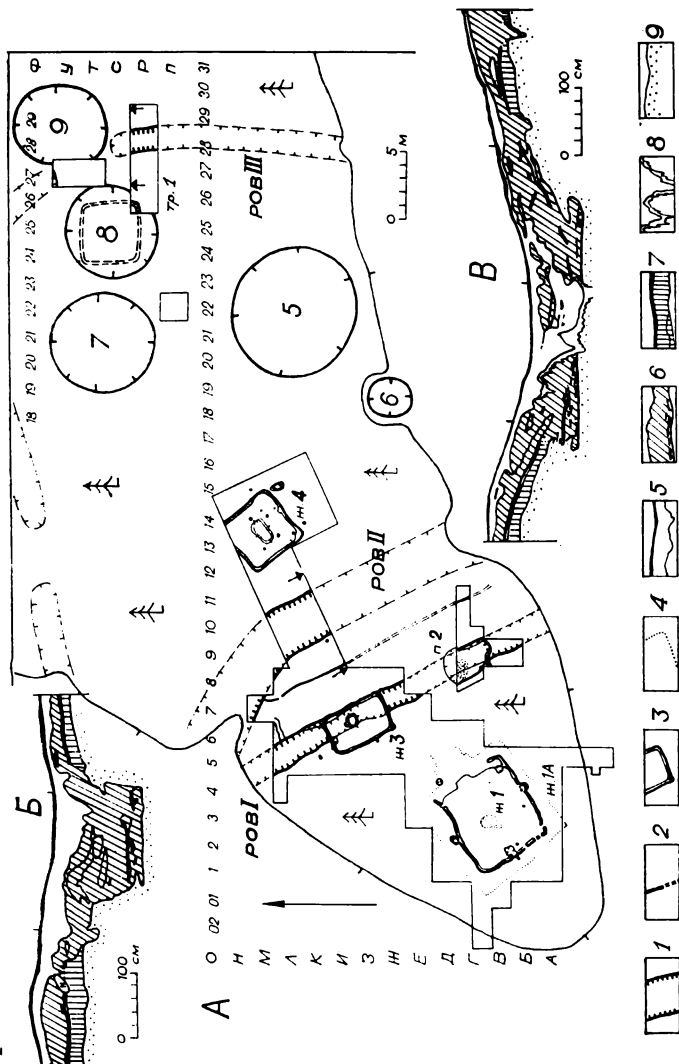

Рис. 2. Городище Амния I:

А — план раскопа, траншей, шурфов; Б — разрез рва II; В — разрез рва III; 1 — ров; 2 — частокольная канавка; 3 — основание неолитических построек; 4 — контуры котлована жилища IА; 5 — лесная подстилка и подзол; 6 — переотложенный песок (культурный слой); 7 — погребенная почва; 8 — оргзанд; 9 — материковый песок

энеолитического облика (последняя четверть III — начало II тыс. до н.э.)¹. Других объектов, имеющих более поздний возраст, чем укрепленное поселение, в раскопе и рекогносцировочных траншеях не обнаружено.

Обратимся к характеристике исследованных сооружений.

Жилище 1, с которого, вероятно, начинался поселок, находилось на оконечности мыса. Оно имело прямоугольный котлован размером в основании $6,8 \times 6,0$ — $6,1$ м, ориентированный по линии ЮЗ — СВ, т. е. по оси мыса. С учетом общего понижения древней поверхности в юго-западную сторону высота северо-восточной стены котлована составляла не менее $1,6$ — $1,8$ м, а юго-западной — около $1,2$ — $1,3$ м. Размер котлована в верхней части установить невозможно, так как на глубину до $0,8$ — $1,1$ м он разрушен во время строительства энеолитического жилища 1А². Поздний объект превосходил раннее жилище по площади основания (65 и 41 м² соответственно), но имел меньшей глубины котлован. В разрезе (рис. 3А) хорошо видно, что дно котлована жилища 1А находится выше пола жилища 1 на $0,4$ — $0,6$ м. Вдоль стен котлована землянки 1, кроме северо-восточной, зафиксирована канавка шириной 20 — 30 и глубиной около 20 см. В северном углу она неожиданно получила продолжение за пределы котлована — на $0,8$ м в северном направлении. В середине трех стен прослеживались вертикальные выемки, по-видимому, для опорных столбов. В северо-восточной стене такая выемка имела вид подпрямоугольной ниши, но столбовых ям в ней или около нее не обнаружено. На полу жилища зафиксированы еще 2 ямки от столбов — около юго-западной и юго-восточной стен. Овальная яма в южной половине постройки — размером $0,5 \times 0,7$ м и глубиной $0,35$ м — имела хозяйственное назначение.

В центральной части землянки расчищены остатки очага — кострища в виде углисто-золистого пятна овальной формы размером $1,2 \times 1,6$ м и толщиной до 25 см. Очаг, по-видимому, был сооружен на специальной площадке, возвышавшейся над полом на 20 — 30 см и впоследствии сильно разрушившейся. Стены котлована были обшиты досками или жердями, на это указывают многочисленные остатки обгоревшей древесины и углистые полосы под стенами. Пол по крайней мере дважды посыпался охрой. Перекрытие держалось на опорных столбах, каким-то образом связанных в раму. Судя по направлению некоторых из сгоревших деталей кровли — от углов к центру, она была четырехскатной. В ее центре, очевидно, находилось дымоходное отверстие, одновременно использовавшееся для выхода наружу. Малое количество находок на полу землянки свидетельствует о том, что она периодически очищалась от бытовых остатков. Среди прочих находок, пожалуй, следует отметить 2 массивных шлифовальных камня, лежавших на полу в северном углу постройки.

Жилище 4, которое, как мы предполагаем, было построено в одно время или несколько позже первого, расположено за внутренним рвом на второй площадке (рис. 2А). Оно имело

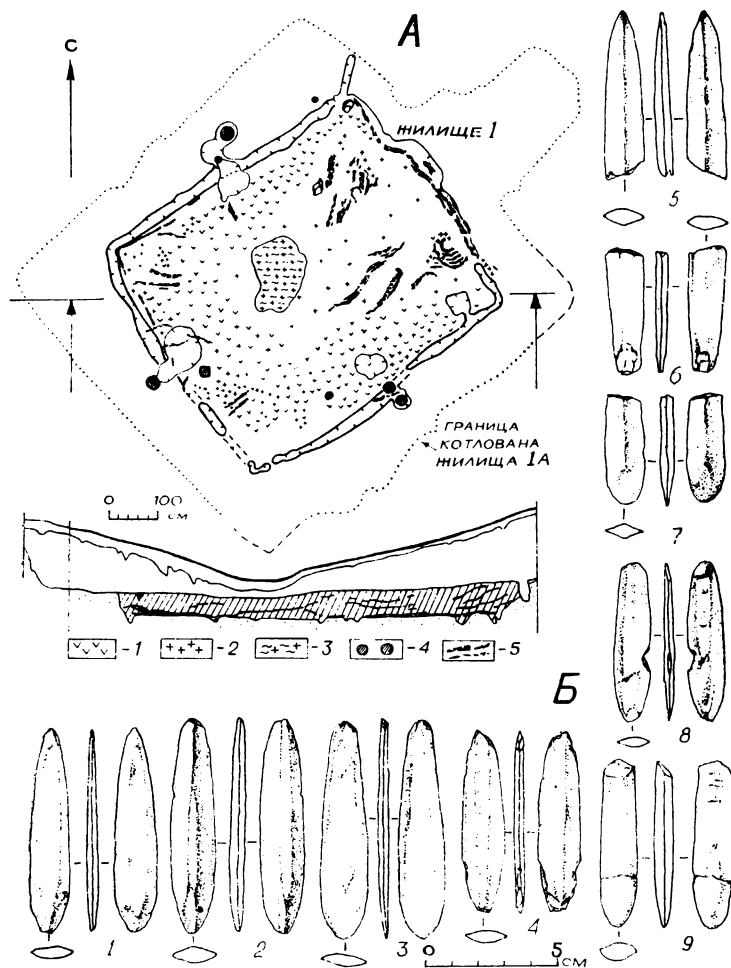

Рис. 3. Городище Амня I:

А — основание жилища 1 и контуры котлована энеолитического жилища 1А. Разрез котлованов: 1 — охра; 2 — уголь; 3 — углисто-золистая масса; 4 — столбовые ямки; 5 — обгоревшее дерево; Б — каменный инвентарь (жилище 1)

прямоугольный котлован размером около $6 \times 5,5$ м в верхней части и $5,2 \times 4,6$ м в основании, глубиной 1,5—1,7 м от древней поверхности (до 2 м от современной поверхности). Длинными стенами котлован ориентирован в направлении СЗ — ЮВ (поперек оси мыса). Вдоль всех стен была выкопана канавка ши-

риной до 30 и глубиной до 15 см. В центральной части над полом возвышался песчаный материковый останец прямоугольной формы размером $1,5 \times 0,8 - 0,9$ м и высотой 20—25 см, ориентированный параллельно коротким стенам жилища. Около углов песчаного «стола» — на расстоянии 0,25—0,5 м от его основания — зафиксировано 5 столбовых ям глубиной 25—35 см. Две ямки от столбов расчищены около юго-восточной стены котлована и 2 — в канавке вдоль этой же стены. Еще 2 столбовые ямки обнаружены около юго-западной стены. Пол ровный, посыпан охрой.

Остатков очажных конструкций не обнаружено, но, судя по находкам мелких кальцинированных костей, очаг в жилище существовал. Скорее всего, он был сложен из камней и располагался на песчаном «столе» в центре постройки. Несколько камней, в том числе со следами термического воздействия, найдено на полу в разных местах жилища. Очажная площадка («стол»), вероятно, была обшита по периметру деревом, что предотвратило осыпание ее стенок. Жердями или плахами укреплялись стены котлована, а пол был покрыт деревянным настилом или устлан берестой.

Центральные столбы, как нам представляется, связывались сверху поперечинами в четырехугольную раму, на которую опирались бревна, жерди и доски покрытия. Нижним концом они упирались в землю на расстоянии около 1 м от верхних границ котлована. В профилях стен раскопа и разрезах жилища остатки перекрытия обозначает тонкий охристо-углистый слой, начинающийся за пределами котлована и затем круто падающий вниз (рис. 4Б). Примечательно, что он лежит выше погребенной почвы на 15—20 см, т. е. на песчаном «выкиде» из котлована. Кровля была четырехскатной и напоминала усеченную пирамиду. Снаружи она, вероятно, дополнительно покрывалась дерном, мхом и засыпалась песком. В центре оставалось дымоходное отверстие, им же могли пользоваться для выхода наружу. В жилище 4 мог существовать и другой выход — через проделанное в кровле отверстие возле восточного угла. В верхних горизонтах в этом месте около котлована зафиксировано желобообразное углубление размером $1,2 - 1,3 \times 1,7 - 0,8$ м и глубиной от 0,3 до 0,5 м, подобное тем, какие обычно образуются в песчаном грунте перед входом в какое-либо помещение.

Находок на полу немного. В основном они концентрируются в восточном углу — перед предполагаемым выходом и вокруг очажного «стола». Жилище, очевидно, регулярно очищалось от бытового мусора, который выносили наружу и где-то выбрасывали, но не рядом, так как около постройки находки исключительно редки. Интересные результаты дал анализ распределения находок по глубинам: наблюдаются два уровня заметной концентрации вещественных остатков — нижний, соот-

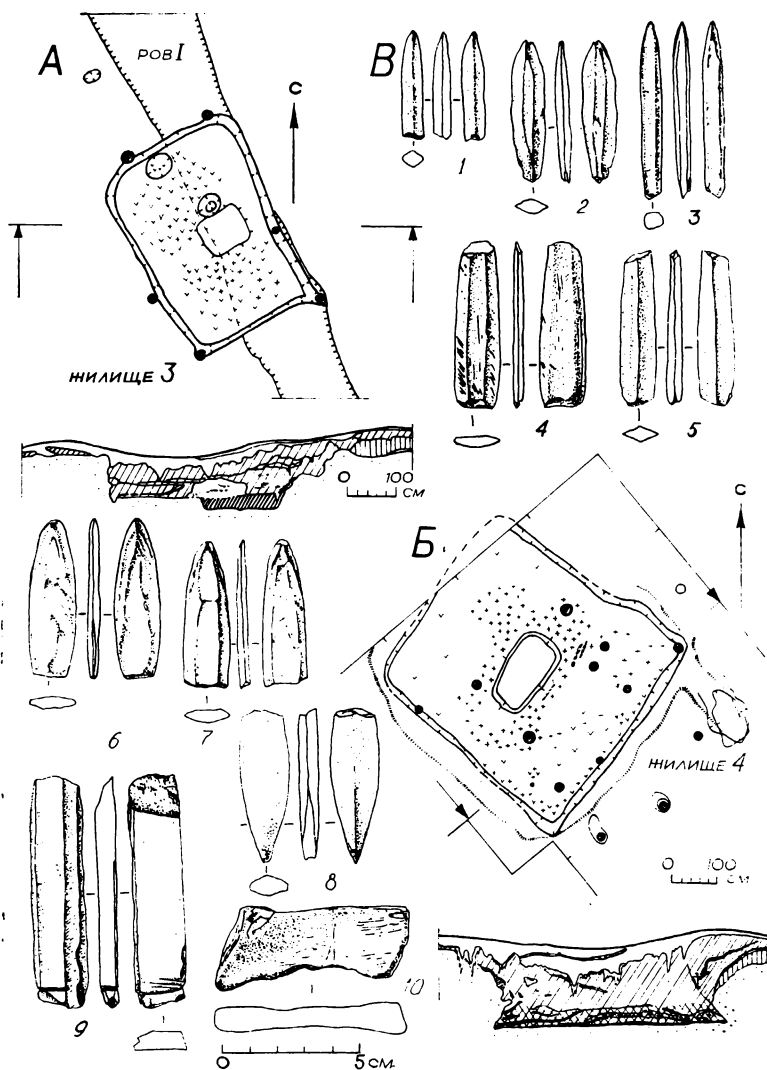

Рис. 4. Городище Амня I:

А — основание жилища 3 и участок рва I; разрез; Б — основание и верхние контуры котлована жилища 4; разрез; В — каменный инвентарь (1 — между жилищем 3 и постройкой 2; 2, 3 — постройка 2; 4, 5 — жилище 3; 6—10 — жилище 4)

ветствующий полу жилища, и верхний (на 30—40 см выше пола) — обрушившемуся перекрытию (кровле).

С юго-восточной стороны от жилища и около его восточного угла обнаружены три небольших и мелких углубления (возможно, от столбов).

Завершая характеристику данного объекта, отметим, что все деревянные части его конструкции сгорели во время пожара, который, по-видимому, произошел уже после того, как жилище было оставлено его обитателями. На это указывают отсутствие целых или раздавленных глиняных сосудов, малое количество каменных орудий и просто крупных необработанных камней. Последние в условиях острого дефицита каменного сырья могли быть использованы для разных нужд (например, при устройстве очагов) в других объектах. В песчано-углистой массе, заполнявшей основание котлована, иногда попадались обугленные жерди и плахи.

Одновременность жилища 4 и ранней оборонительной линии доказывается тем, что на полу жилища и на дне рва I найдены обломки одного сосуда (рис. 5-2).

Внутренняя линия укреплений. Подтреугольная площадка с одним расположенным на ней строением сначала была защищена поперечным рвом I (землянка 4 находилась от него в 12 м к северо-востоку; рис. 2А). Длина рва 23—24 м. Он, вероятно, не прерывался и практически на всем протяжении (исследовано почти 17,5 м) имел одинаковые параметры: ширину 2,0—2,3 м по верху и 1,3—1,5 м на дне при глубине от древней поверхности около 1,2 м. Дно ровное, плоское, стенки наклонные. Сам по себе этот ров не представлял непреодолимого препятствия, и, вероятно, ранняя оборонительная система включала дополнительно какие-то деревянные конструкции (частокол, бревенчатую стену и т. п.), однако их следов в раскопе не обнаружено. Есть два обстоятельства, которые, как нам кажется, объясняют отсутствие следов деревянных стен. Во-первых, они могли быть демонтированы за ненадобностью во время строительства новой оборонительной линии (о ней ниже). Во-вторых, нужно учитывать сильную разрушенность верхних слоев на первой площадке городища в результате действий человека и природных факторов (склоновый сток, ветровой снос). Достаточно отметить, что погребенная почва на ней прослеживалась лишь местами, да и в этом случае иногда едва угадывалась.

Для прохода на внутреннюю площадку через ров могли перебросить простейший бревенчатый мост.

Спустя некоторое время была сооружена другая линия укреплений, состоявшая из поперечного рва (II) и бревенчатого частокола. От первого рва она отнесена в сторону основания мыса на 4—5 м. Протяженность рва II 25—26 м, из них раскопано немногим более 4 м в его средней части. В пла-

не ров слегка изогнутый, врезан в материковый песок на глубину до 1—1,2 м и достигает в ширину 3,4—3,6 м (в основании). Простой подсчет показывает, что в процессе его строительства было выбрано и перемещено не менее 85 м³ песчаного грунта. Часть этого грунта использована для засыпки рва 1, о чем свидетельствуют отсутствие следов естественного разрушения его стен (в результате осыпания и оползания) и состав заполняющей ров массы (перемешанный песок с включениями охры, угольков, подзола). Другая часть «выкида» пошла на подсыпку основания частокола, канавка от которого зафиксирована на удалении 1,6—1,8 м от внутреннего края рва.

У северного и южного краев площадки бревенчатая стена, по-видимому, спускалась в ров (рис. 2А). Частокольная канавка, расчищенная в длину почти на 8 м, имела ширину от 18 до 36 см и глубину 40—60 см от погребенной почвы. В раскопанной части частокол не прерывался. Можно допустить, что проем в бревенчатой стене для прохода на внутреннюю площадку находился за границами раскопа. Наше предположение о том, что частокол мог окружать первую площадку по периметру, как будто не подтвердилось: в траншеях, проложенных от жилища 1 в западную и южную стороны, никаких его признаков не обнаружено. Впрочем, частокол мог быть возведен на склонах или по основанию мыса.

Второй ров, как и первый, вероятно, преодолевался по простейшему мостовому сооружению — деревянному прогону, переброшенному с одной стороны на другую.

Жилище 3 (рис. 4А) имело котлован прямоугольной формы размером на дне 4,4×3,2—3,4 м и глубиной около 1 м, ориентированный с СЗ на ЮВ. В центральной части постройки над полом возвышался на 0,4 м четырехугольный песчаный «стол» размером 1×0,8 м. По периметру котлован ограничен канавкой шириной 15—30 и глубиной до 25 см. С северо-западной стороны к «столу» примыкала небольшая округлая яма (0,5×0,6 м) глубиной 15 см, заполненная песком с включениями охры. Около середины северо-западной стены котлована расчищено еще одно углубление — полуовальной формы размером около 0,6×0,4 м и глубиной более 30 см. Дно котлована посыпано охрой, причем особенно насыщены ей участки пола, прилегающие к песчаному «столу» с западной и южной стороны (на «столе» охры не было). Очаг в жилище не зафиксирован. По-видимому, как и в жилище 4, он был сложен из камней и размещался на песчаном остане (среди находок из данной постройки есть целые камни и крупные обломки, а также кальцинированные кости). Немногочисленные фрагменты керамики и изделия из камня рассеяны на полу в западной и южной частях котлована, в северо-восточном секторе они единичны.

Кровля держалась на четырех угловых столбах, еще два столба находились в середине продольных стен. Опорные угло-

вые столбы, вероятно, были связаны в раму, к которой с четырех сторон наклонно приставлялись деревянные части кровли, сама же крыша была плоской.

Выход из жилища мог находиться в середине юго-восточной стены: в этом месте в верхних горизонтах отмечен углубленный выступ, отходящий от котлована в сторону постройки 2. Кроме того, для выхода могло использоваться дымоходное отверстие в крыше.

Судя по тому, что северо-восточная стена котлована практически полностью совпадает с внешней стенкой первого рва, жилище 3 строилось в тот момент, когда ров еще не был полностью засыпан. Скорее всего, его строительство и демонтаж первой оборонительной системы происходили в одно время.

Постройка 2, расположенная в 5 м к ЮВ от третьего жилища, исследована не полностью (рис. 24). Очевидно, она имела близкую к прямоугольной форму и была ориентирована по линии СЗ — ЮВ (поперек мыса). Котлован шириной до 3,2 м и длиной не менее 4 м имел глубину около 0,6—0,7 м. Его северо-восточная стена также совпадала с внешней стенкой рва, из чего следует, что постройка 2 возводилась в еще не засыпанном рву. Дно котлована неровное, посыпано охрой. В центральной, несколько более углубленной части постройки находился открытый очаг — кострище. Столбовых ям в раскопанной части строения не обнаружено. Вдоль северо-восточной стены расчищена канавка шириной 8—10 и глубиной всего 5—8 см. Находок в данной постройке очень мало.

В траншею I (рис. 24) вошел юго-восточный угол **постройки 8**. Судя по зафиксированным остаткам, она имеет прямоугольной или квадратной формы котлован, глубиной от древней поверхности не менее 1,6—1,65 м. Вдоль его стен выкопана канавка, пол посыпан охрой.

Внешняя линия укреплений, преграждавшая доступ на поселение с напольной стороны, исследована двумя траншеями, заложенными в районе восточного прохода. Удалось выяснить, что в данном месте ров действительно прерывается, а не засыпан во время строительства объектов 8 и 9. Ширина прохода не более 5,5 м. Ров III глубиной 1,1—1,2 м имел ширину в верхней части около 2 м и на дне 1,65—1,8 м. Стены его наклонные, дно плоское, ровное (рис. 25). В нем найдено несколько фрагментов сосудов того же облика, что и в исследованных жилищах. Полученных данных, конечно, не достаточно для реконструкции внешней оборонительной линии. По-видимому, она включала бревенчатые стены (хотя их остатки в траншеях не прослеживались), каким-то образом, вероятно, перекрывались проходы. Не совсем понятной остается связь (?) рва и возможных деревянных конструкций с объектами 8 и 9. Не исключено, что последние, или одна из построек, являлись составной частью амнинской фортификации.

Несмотря на то, что внешняя линия укреплений отличается от внутренней по форме, размерам и устройству, представляется возможным говорить об их одновременности и на этом основании характеризовать укрепленное поселение именно как двухплощадочное. Мы не исключаем, что ров I, а затем и ров II с соответствующими бревенчатыми конструкциями возводились тогда, когда внешних защитных сооружений еще не было. И в этом случае некоторые из построек второй площадки какое-то время составляли неукрепленное селище. Однако, когда была построена система внешних укреплений, внутреннюю не демонтировали, а, возможно, даже перестроили, и далее они продолжали функционировать синхронно. Рвы II и III преднамеренно не засыпались, они разрушались в результате естественных причин. Независимо от того, имела место трансформация одноплощадочного городища в двухплощадочное или оно сразу задумывалось как двухплощадочное, сам факт наличия столь совершенных оборонительных систем делает этот памятник уникальным для своего времени³.

Основными типами жилых построек на Амне I, очевидно, являлись прямоугольные землянки (глубина котлована более 1,5 м; площадь от 23 до 45—50 м²; объекты 1, 4, 5, 7, 8, 9) и полуземлянки (0,6—1 м от древней поверхности; площадь 12—15 м²; объекты 2, 3, 6) с четырехскатной кровлей в виде усеченной пирамиды. В крыше имелось окно — дымоходное отверстие, им же пользовались для входа и выхода из землянки наружу. Конструкция небольших построек, возможно, несколько отличалась от устройства подземных жилищ. В центре строений на специальной площадке — «столе» располагался очаг, вероятно, сложенный из камней (или обложенный ими). Дно котлованов ограничено по периметру канавками. Их назначение не вполне ясно, но они определенно не дренажные. Скорее всего, в канавки опускалось основание деревянной обшивки стен.

Все постройки носили стационарный характер.

Трудно сказать, как долго существовало поселение Амня I. Мы полагаем, что этот период был достаточно продолжительным, свидетельством тому являются следующие факты и соображения. Первоначальная планировочная схема поселения со временем была изменена. За счет переноса системы защитных сооружений в глубь берега произошло увеличение мысовой части поселка, а на прирезанной площади были возведены постройки 2 и 3. Они, бесспорно, являются поздними объектами по отношению к жилищу 1, и вместе с ним образуют единый архитектурный комплекс. О возможности частичной синхронизации построек 1, 2 и 3 говорит и сходство найденного в них каменного и глиняного инвентаря, деталей интерьера и др. Вряд ли строительство глубоких жилищ и мощных оборонительных сооружений за короткий срок под силу малочис-

ленному коллективу. Из этого следует, что на поселении проживало достаточно много людей и одновременно функционировало несколько домов.

Оригинален и вещевой материал поселения Амня I. Без учета находок из неолитического жилища 1А⁴ амнинская коллекция включает более 520 ед. каменного инвентаря, 426 фрагментов керамики и несколько десятков мелких кальцинированных костей. Из числа последних удалось определить одну кость северного оленя (жилище 3) и также по одной кости лося и бобра (постройка 2)⁵. На первой площадке городища инвентарь происходит в основном из заполнения котлованов и межжилищного пространства. На полу всех исследованных объектов находок было немного, исключение составляет жилище 4 (более 200 ед.).

Керамика. Коллекция представлена мелкими фрагментами 30—34 сосудов, целых экземпляров нет, немногочисленны и крупные обломки. Комплекс производит впечатление неоднородного — и по форме, и по орнаментации, и по технологическим характеристикам⁶. В большинстве своем посуда изготовлена из плохо сортированной (или даже несортированной) ожелезненной глины с добавками тонкой органики, дресвы или дробленой породы и редко — шамота. Другая, меньшая часть сосудов сделана из хорошо сортированной глины с примесью шамота, органики и дресвы. Обжиг посуды этой группы был более продолжительным. Емкости формовали из жгутов способом внутреннего подлепа, наружная поверхность покрывалась тонким слоем отмученной глины и потом заглаживалась, внутренняя поверхность стенок сосудов замыта влажным мягким предметом.

Основу керамического комплекса составляют сосуды средних размеров (диаметр устья до 20—26 см) закрытой баночной формы (80—83 %) с рельефным утолщением — наплывом на внутренней стороне стенок под венчиком (более 80 %) и плоским дном (72—73 % от общего количества сосудов). Наряду с ними в коллекции есть экземпляры с вертикальными стенками без наплывов, круглодонные. Показательно, что обломки плоских днищ найдены во всех исследованных объектах городища (рис. 5-11, 14, 15; 6-8, 11, 22). Для сравнения укажем, что все 18 сосудов из жилища 1А имеют круглое дно. Более чем у половины плоскодонных сосудов стенки переходят в дно через прогиб, а в нескольких случаях — и через своеобразный бортик (рис. 5-11, 15). У прочих экземпляров переход стенок ко дну плавный (рис. 5-14; 6-7).

Некоторые из способов конструирования нижней и верхней части сосудов (по И. Г. Глушкову) приведены на рис. 7. Наплывы также неодинаковы: преобладают массивные оттянутые вниз (рис. 5-1, 7) и массивные короткие, расположенные близко к краю (5-2; 6-1, 4, 18). Есть наплывы с ребром

(рис. 6-10) и без него, довольно много сосудов с плавно очерченными напывами (5-6; 6-3, 24). Примерно поровну представлены сосуды с прямым и волнистым венчиком (рис. 5-1, 2,

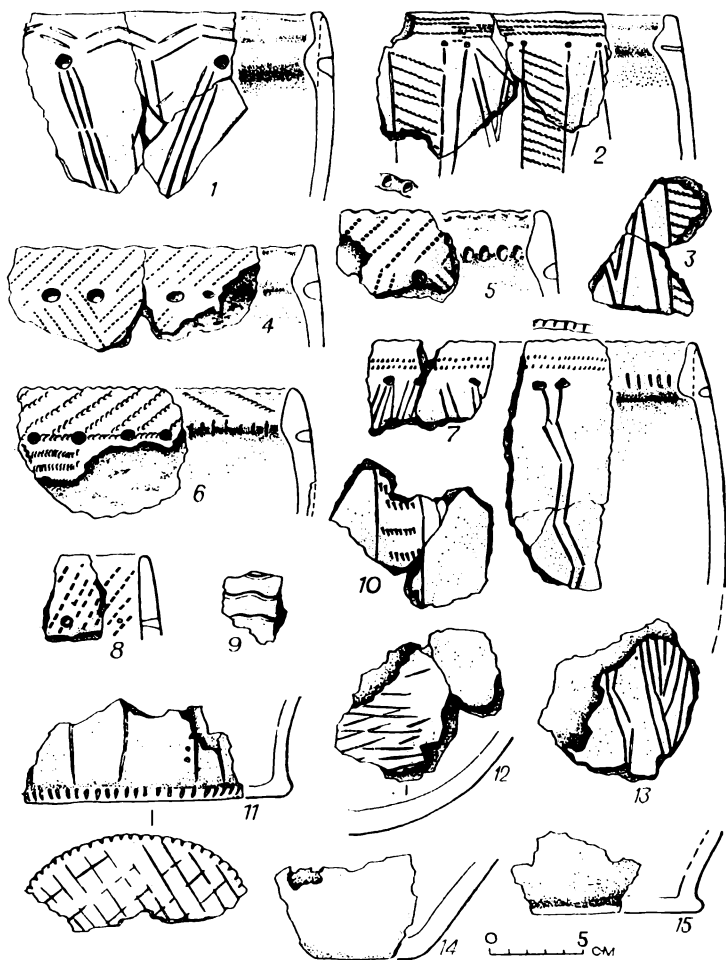

Рис. 5. Городище Амня I: керамика из жилища 4

4, 5). Обломки оригинального сосуда найдены в постройке 2: он имеет постепенно утолщающиеся кверху стенки и очень широкий (до 2 см) плоский венчик (рис. 6-12). В основном же для амнинской посуды характерен округлый и уплощенный срез венчика.

Большинство сосудов (85 %) орнаментировано. Узорами покрывались верхняя половина или $\frac{2}{3}$ тулова сосуда, в придонной зоне орнамент редок. Венчик украшен всего в 4—5 слу-

чаях (рис. 5-5, 7; 6-12, 27). 11 сосудов имеют орнамент на внутренней поверхности стенок — в зоне под венчиком (из них 10 — с наплывами). В коллекции имеются обломки двух

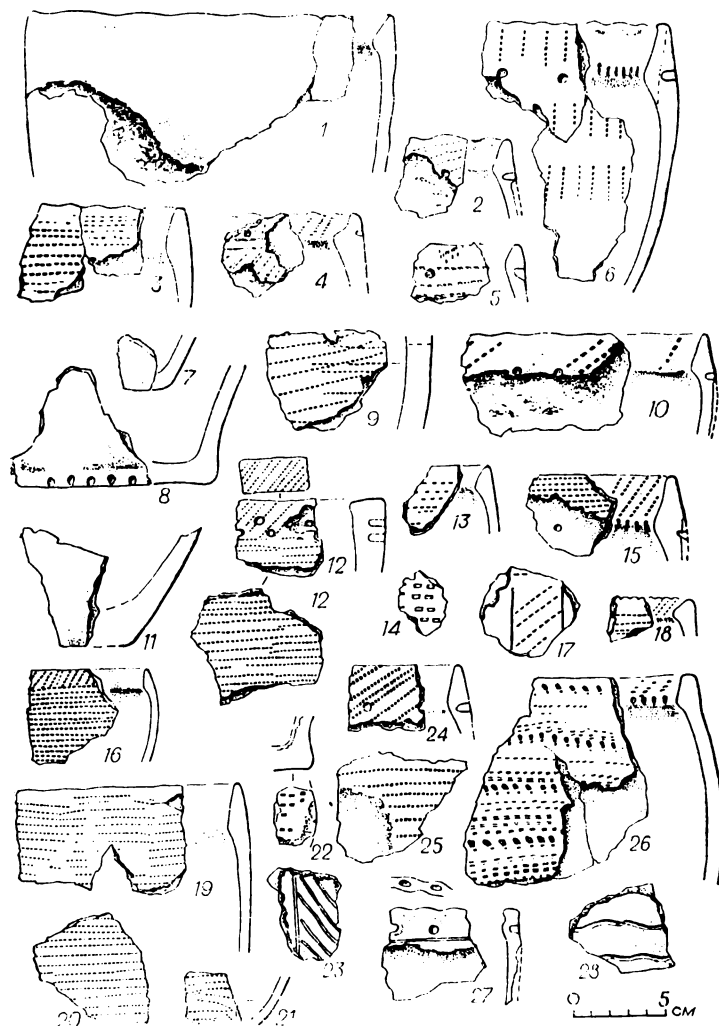

Рис. 6. Городище Амня I: керамика из жилищ 1, 3 и постройки 2

банок с орнаментированным плоским дном (рис. 5-11; 6-22). Какой-то жесткой связи между декором и морфологическими или технологическими особенностями той или иной группы посуды в амнинском комплексе нет. Но, похоже, такая связь существует между орнаментами и способами их исполнения.

Из общего числа амнинской керамики 22 сосуда украшены с помощью гребенчатого штампа. Гребенчатую керамику характеризуют простые композиции, состоящие из горизонталь-

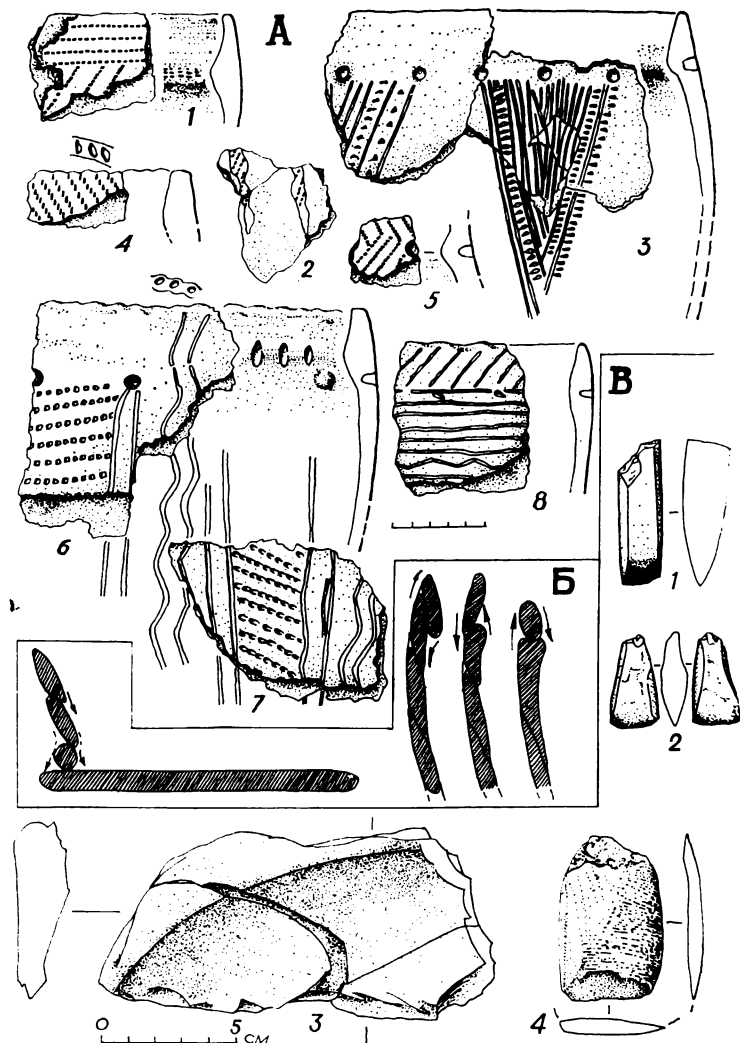

Рис. 7. Керамика (А), способы реконструирования сосудов (Б), каменный инвентарь (В)

А — 1, 2, 3; Б, В — городище Амня I (В — 1, 2 — постройка 3; В — 3, 4 — жилище 4); А — 4—8 — поселение Кирип — Вис — Юган 2

ных линий (рис. 6-3, 16, 19), поясов наклонных (6-24) или вертикальных (6-6) отпечатков штампа, елочных узоров (5-4, 5). Мотив горизонтальных гребенчатых линий, по-видимому, яв-

ляется ведущим в данной группе. Только один сосуд (из жилища 3; рис. 6-26) украшен поясами шагающей гребенки, по остальным признакам он «не выбивается» из комплекса.

Другую группу составляют сосуды (8—9 экз.), орнаментированные в прочерченной или прочерченно-накольчатой технике. Орнамент на них, построенный на сочетании горизонтальных и вертикальных зон, более разреженный и обязательно включает геометрические мотивы: вертикальные колонки-лестенки (рис. 5-2, 10, 6-17, 23) или вытянутые заштрихованные треугольники (5-13; 7А-3). В ряде случаев геометрические фигуры разделены вертикальными зигзаговыми линиями (рис. 5-7) или обрамлены «бахромой» из наколов (7А-3). Вертикальные колонки имеют штриховку из прочерченных линий (рис. 6-23), наколов (5-10) и только в одном случае — из отрисков гребчатого штампа (6-17). Тулово некоторых сосудов, по-видимому, украшено горизонтальными прямыми и волнистыми прочерченными линиями (рис. 5-9; 6-27, 28). По крайней мере, на двух сосудах этой группы отмечено использование отступающе-накольчатой техники (рис. 5-6, 2; в последнем случае более похожей на ложношнуровую).

Амнинскую керамику обеих групп объединяет присутствие в орнаменте ямочных вдавлений (21—22 сосуда). Расположенные в зоне под венчиком, они различаются по размерам (от очень маленьких и глубоких, как на рис. 5-2, до крупных) и форме (круглые, овальные, подтреугольные). На сосуде с прочерченно-накольчатым орнаментом ямками иногда обозначены углы геометрических фигур (рис. 5-2, 7), на одном из сосудов гребчатой группы они расположены в шахматном порядке (6-12).

Керамический комплекс включает также три сосуда без орнамента (рис. 6-1) и еще один только с пояском ямочных вдавлений в верхней части стенок.

Завершая характеристику керамики укрепленного поселения Амня I, обратим внимание на следующую деталь: у сосудов разных групп в ряде случаев одинаково орнаментированы наплывы (см., напр., рис. 5-6, 7; 6-6, 15 и др.). Еще раз подчеркнем: жесткой зависимости между технологией изготовления, морфологическими особенностями и орнаментацией сосудов как будто нет. В каждой из выделенных по составу орнаментальных мотивов и способам их исполнения групп амнинской керамики есть посуда, сделанная из формовочных масс разной рецептуры, плоско- и круглодонных закрытых форм, с наплывами и без них и т. д. И прочерченно-накольчатая, и гребчатая керамика залегала в одинаковых условиях, в том числе на дне раскопанных объектов. При этом, однако, на первой площадке городища прочерченно-накольчатая керамика представлена редкими фрагментами, тогда как в жилище 4 из 8 (9) сосудов только 3 орнаментированы гребчатым штам-

Типологическая характеристика каменного инвентаря городища Амига I
Таблица I

Инвентарь	Постройка I		Постройка II		Постройка III		Постройка IV		Менниающее пространство IV		Итого
	Окопная траншея	Дно	Заполнение	Дно	Ров (I)	Заполнение	Дно	Ров (II)	Менниающее пространство IV	Ров (III)	
Гальки	6	6	1			7	1	6	1		28
Расколотые гальки	8	8	3			15	1	4	5	1	17
Пренуклеус			1								1
Нуклеусы			2		1	1	1		1	1	9
Нуклеидный кусок						1					1
Вертикальный скол									1		1
Пластины			1			5	3	4			14
Пластины с ретушью						1					1
Пластины с ретушью концом						1		1			2
Острия на пластинах											1
Резники на пластинах						1		1			1
Пластинчатые отщепы						1					1
Отщепы	13	11	24	15		77	12	2	5	64	218
Отщепы с эпизод. ретушью	2					1					1
Острия на отщепах	1										1
Отщепы с резцов сколами						5		1	1		7
Долотовидные орудия	1	1	4	3	2	2	2	3	4		20
Щепоуки								1	52		53
Тесла						2		1	1		4
Нони		1				1					2
Наконечники стрел	9 ^x	4	3	1	2	2		2	1		22
Абразивные инструменты	3	4	4		4	4		2	4		21
Наковальня								1			1
Отбойники	2	2									5
Изделия из камня		2						3	1		6
Сколы и отщепы со следами шлифовки		2	2	1		3		3	7		18
Всего:	45	39	43	20	2	130	15	3	47	160	524

лом. В шурфе около впадины 7 и во внешнем рву найдены обломки сосудов обеих групп (рис. 7А-1, 3).

Каменный инвентарь включает 524 предмета, принадлежность которых к периоду функционирования объектов укрепленного поселения Амня I не вызывает у нас сомнения. Повидимому, к данному комплексу следовало бы отнести какую-то часть предметов из камня (кварцевых отщепов и орудий, абразивных инструментов и др.), найденных в заполнении котлована постройки 1А⁷, однако мы не стали этого делать во избежание возможных искажений. Исключение составили 7 шлифованных наконечников стрел, аналогичных найденным на дне жилищ 1, 2 и 4 и явно чужеродных в энеолитическом комплексе находок.

Описание каменного инвентаря Амни I дается суммарно, его типологическая характеристика и распределение по объектам представлены в таблице⁸.

В качестве источников сырья жителями городища, вероятно, использовались открытые выходы камня. На данной территории они представлены в виде галечников, расположенных на бечевниках по берегам рек и озер. Спектр пород в этих отложениях обычно очень широк. Следует отметить, что в настоящее время в непосредственной близости от городища Амня I сколько-нибудь значительные галечные россыпи нами не обнаружены.

В материалах с Амни I преобладают предметы из кварца, довольно много изделий из мягких пород — сланцев, опоки и лишь отдельные орудия выполнены из кремнистых пород.

Технику расщепления характеризуют расколотые гальки (47 экз.) и ядрища (11 экз.: нуклеусы, пренуклеус, нуклевидный кусок). Оптимальную форму нуклеусов, технику скола и качество получаемых заготовок предопределяло используемое сырье. Так, для кварцевых нуклеусов (4 экз.; рис. 8-19, 21), предназначенных преимущественно для получения пластинчатых заготовок, характерны подчетыреугольная форма и одна ударная площадка. Их размеры невелики (высота до 35 мм). О предварительном оформлении свидетельствуют наличие у трех экземпляров подработки контрфронта поперечными сколами и фасетирование ударных площадок. Снятие заготовок осуществлялось по одной фронтальной плоскости с использованием контрударной техники скола (на что указывает забитость кромки ударной площадки и основания).

В коллекции имеется также скол с рабочей поверхности наковальни и серия из 5 отбойников. Из них только один целый (рис. 8-23), остальные сильно сработаны и фрагментированы. Заготовками служили кварцевые гальки овальной или подпрямоугольной формы. В работе участвовали оба торца и прилегающие к ним боковые плоскости.

5 нуклеусов (4 призматических, 1 конусовидный; рис. 8-20,

22) изготовлены на гальках кремнистых пород. Их высота до 30 мм. Все нуклеусы одноплощадочные, ударные площадки прямые, подработаны по краю мелкими сколами. Снятие пластин осуществлялось не более чем по $\frac{1}{2}$ периметра.

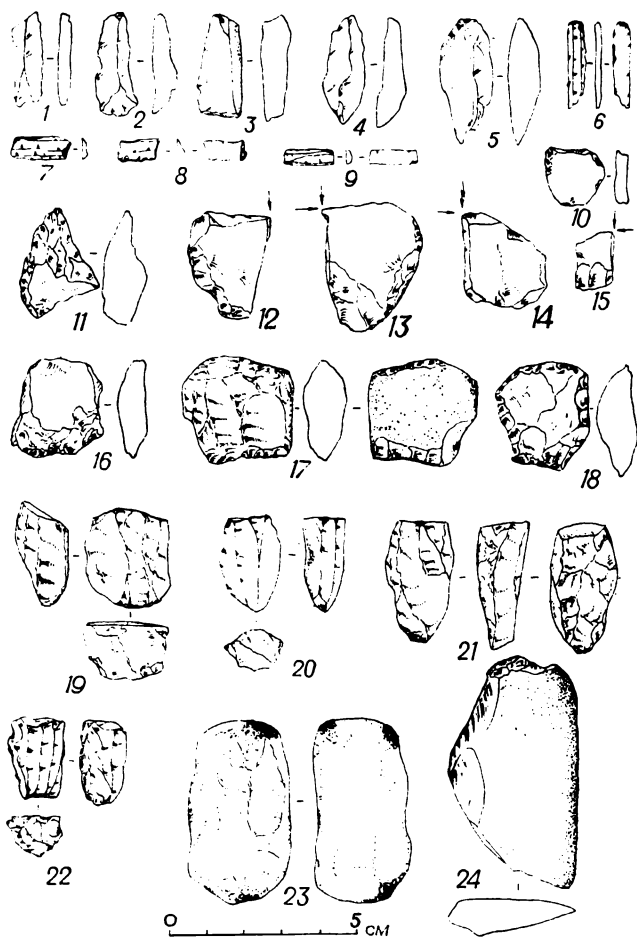

Рис. 8. Городище Амня I: каменный инвентарь

В комплексе преобладают отщепы (254 экз., в том числе 6 пластинчатых). 224 предмета выполнены из кварца. Большинство отщепов мелкие (10—30 мм в поперечнике), лишь отдельные экземпляры более крупных размеров.

Пластин без ретуши 14 (12 из кварца; рис. 8-1—5), из них 2 целые, остальные представлены проксимальными (8) и дистальными (4) сегментами. Ширина пластин от 7 до 14 мм,

толщина 4—7 мм, длина целых экземпляров 33 и 36 мм. Кварцевые пластины треугольного сечения, кремневые пластинки многогранные. Последние представлены дистальными сегментами (ныряющее окончание) шириной 5—6 мм.

Соотношение орудий на отщепах и пластинах 29:6.

Орудия на пластинах. Из медиальных частей пластин изготовлены 4 вкладыша составных орудий (рис. 8-6—9). Материал — кремнистые породы. Размеры варьируют от 11×5×2 до 23×4×1 мм. У двух притуплены концы: ретушь нанесена по двум концам с брюшка и по одному со спинки. На продольных краях вкладышей фиксируется мелкая ретушь утилизации по спинке (3 ед.) и брюшку (1 ед.). У одного вкладыша продольный край притуплен крутой ретушью.

Острие. Сохранился только рабочий участок размером 6×4×2 мм. Примыкающие к жалу стороны обработаны крутой, мелкофасеточной дорсальной ретушью.

Угловой резчик. Изготовлен на проксимальном сегменте кварцевой пластинки размером 15×16×4 мм (рис. 8-10).

Орудия на отщепах. Долотовидные изделия — 20 экз. (рис. 8-16—18), из них на кварцевых отщепах — 17, на расколотых гальках — 3. Форма орудий преимущественно прямоугольная, размеры от 16×12×5 до 43×13×10 мм. 15 изделий имеют по одному концевому лезвию, 3 — по два концевых и 1 — боковое и концевое. Лезвия оформлены одно- или двусторонними уплощающими сколами. Кроме того, у одного долота продольные стороны подработаны вентральными краевыми сколами, а у второго — резцовым сколом.

Отщепы с резцовыми сколами (7 экз., все кварцевые; рис. 8-12—15). Их размеры варьируют от 15×9×4 до 35×30×1 мм. В двух случаях резцовый скол пущен по одной из сторон с дистального конца, остальные можно отнести к типу поперечных. Угловая резцовая кромка неровная, ее ширина от 3 до 8 мм. Один из предметов представляет собой многофасеточный поперечный резец.

Отщепов с краевой ретушью 4, все кварцевые. Размеры — от 10×18×15 до 38×45×14 мм. Ретушь во всех случаях крутая краевая по спинке, расположена на одной продольной стороне (2 экз.) или округляет конец (2 экз.).

Острие (28×20×11 мм; рис. 8-11). В работе использовался острый выступ. Сработанность незначительная, мелкая ретушь утилизации фиксируется только на кончике жала.

О высоком уровне развития техники шлифовки камня свидетельствует большая группа изделий, включающая наконечники стрел, ножи, тесла, сколы и отщепы с частично или полностью зашлифованной спинкой, абразивные инструменты, а также серия заготовок со следами шлифовки и пиления.

Наконечники стрел. Наиболее многочисленны иволистные (20 экз., из них 6 целых, остальные представлены фрагмен-

тами; рис. 1Б-2—4, 6, 7; 3Б; 4В-2, 4—8). Длина целых экземпляров 53—102 мм. Тело наконечников полностью зашлифовано. Насад имеет овальную или подтреугольную форму и слегка уплощен. Поперечное сечение овальное, ромбовидное или шестигранное. На 3 экз. по следам сработанности отмечается их вторичное использование в качестве провертывающих орудий (сверла по керамике, проколки-провертки по шкуре?). Вторая группа — игловидные наконечники (2 экз.; рис. 4В-1, 3) также полностью зашлифованы. Оба фрагментированы (отсутствует насад), сечение четырехгранное и ромбовидное. Размер более крупного 66×8×6 мм.

Ножи (2 экз.; рис. 1Б-1; 8-24) выполнены на сланцевых плитках путем их шлифовки. Оба трапецевидной формы, треугольного поперечного сечения. Размеры — 117×42×12 и 60×35×9 мм. Лезвия прямые, углы слегка скруглены. Заточка лезвия односторонняя в виде узкой (3 мм) и более широкой (от 14 до 21 мм) фаски.

Тесла — 4 экз. Два орудия — клиновидное (рис. 7В-1; 33×17×14 мм) и подтреугольное (рис. 7В-2; 35×19×10 мм), полностью зашлифованы. Лезвия прямые, углы скруглены. Два других (одно представлено фрагментом лезвия) выполнены в технике двусторонней оббивки с дальнейшим оформлением рабочей части шлифовкой. Размер целого экземпляра 126×36×17 мм. Лезвие зашлифовано с двух сторон, на его выпуклой стороне по кромке снята фаска (2 мм; рис. 1Б-5).

Абразивные инструменты (21 экз.) образуют довольно представительную группу, состоящую из оселков и небольших плиток (12 экз.; рис. 4В-10), шлифовальных камней, плит и их обломков (9 экз.; рис. 7В-3). Размеры оселков от 33×30×12 до 127×28×10 мм, шлифовальных камней — от 99×69×16 до 260×200×180 мм. В качестве рабочих использовались широкие плоскости, а на камнях — боковые стороны. Многие оселки и шлифовальные плиты сильно сработаны.

В особую группу выделены 6 изделий неясного функционального назначения. В их числе 4 экз. — плитки со следами частичной пришлифовки плоскостей, предположительно, заточки шлифованных орудий. Еще два предмета помимо абразивного воздействия несут на себе следы надпилов на конце (1 экз.; рис. 4В-9) и в центральной части (1 экз.).

Завершая характеристику каменного инвентаря городища Амня I, отметим широкое использование кварцевого сырья и применяемую к нему контрударную технику скола; высокую степень развития абразивной обработки камня (и, вероятно, кости тоже); многочисленность долотовидных инструментов, как шлифованных, так и кварцевых; морфологическую невыраженность (в целом) орудий в составе кварцевого комплекса. Обращает на себя внимание сохранение вкладышевой техники и связанного с ней призматического расщепления.

Аналогичные амнинским материалы получены на поселении Кирип-Вис-Юган 2, расположенном в 3,5 км южнее городища на одноименном притоке р. Амни. Здесь В. М. Морозовым была раскопана квадратная глубокая полуземлянка площадью около 25 м² с очажным «столом» в центре и канавками вдоль стен. В ней найдены обломки 4 сосудов с прочерченным и накольчатым орнаментом (рис. 7А-4—8), шлифованные нож, тесло, долотце, а также орудия из кварца.

Кроме описанного поселения в правобережной части обского бассейна не известны другие памятники, имеющие культурное сходство с Амней I. При этом, правда, нужно учитывать крайне неудовлетворительную археологическую изученность северотаежного Приобья, где каждый новый исследованный памятник, особенно ранних периодов, становится событием. В бассейне Северной Сосьвы Амне I и Кирип-Вис-Югану 2 соответствуют комплексы так называемого кошкинского типа (Сартынь I, Хулюм-сунт)⁹. Своеобразие керамики кошкинского типа, кстати тоже немногочисленной, определяют: плоскодонность, мощные наплывы на внутренней стороне венчика, разреженность узоров, геометрические мотивы, прочерченная и накольчатая техника орнаментации¹⁰, т. е. все те признаки, которые отличают вторую группу посуды Амни I. Е. А. Васильев предполагает, что данный культурный тип сформировался еще в неолите и существовал в энеолитический период (первая половина — середина III тыс. до н. э.¹¹ или середина — вторая половина III тыс. до н. э.¹²). Происхождение комплексов кошкинского типа связано с миграциями населения из Среднего Зауралья в Приполярное Зауралье, где оно сосуществовало с носителями керамики северо-сосьвинского типа¹³.

Отмечая сходство материалов Амни I и Сартынь I и разделяя в основном интерпретацию Е. А. Васильевым своеобразной группы памятников кошкинского типа, мы не можем признать удачным употребление термина «кошкинский» для ее обозначения, так как для большинства археологов это название сейчас ассоциируется с древностями лесного Зауралья периода раннего неолита (V тыс. до н. э.)¹⁴. На наш взгляд, северные памятники с гораздо большим основанием следует сопоставлять не с кошкинской, а с боборыкинской зауральской культурой IV тыс. до н. э.¹⁵ В частности, керамику Амни I и боборыкинских поселений Боборыкино II, ЮАО — участок XII, XV, Ташково I и других объединяет сходство форм и морфологических деталей (плоскодонные закрытые банки наряду с круглодонными емкостями, волнистый и прямой венчик, наплывы, прогиб стенок и характерный бортик у дна), принципы построения узоров, геометрические композиции, прочерченная и накольчатая техника орнаментации. Однако для боборыкинской культуры в целом не характерна керамика с гребенчатой орнаментацией, композициями из горизонтальных линий, елоч-

ных мотивов, ямочных вдавлений, не так велик удельный вес посуды с наплывами, а последние не столь разнообразны, как на Амне I.

Гребенчатый компонент в керамике Амни I идентифицировать труднее. Принято считать (и, в общем-то, справедливо), что именно гребенчатая орнаментальная традиция характеризует западносибирский неолит и энеолит¹⁶. С появлением новых материалов (Чес-тый-яг, Барсова Гора II/8, Сартынья I, Амня I, Кирип-Вис-Юган 2 и др.), «не вписывающихся» в прежние схемы, стало ясно, что этно- и культурогенетические процессы в таежной зоне Западной Сибири протекали также сложно и динамично, как и в более южных областях. И все же гребенчатые узоры в сочетании с ямочными вдавлениями на протяжении многих веков и даже тысячелетий действительно определяли декоративные особенности посуды лесных племен. Уже поэтому гребенчатый компонент Амни I можно связывать с лесными культурами. Другой вопрос — какими?

Думается, ответить на него невозможно, так как источниковая база средне- и нижнеобского неолита еще только формируется. С другой стороны, гребенчатый комплекс амнинской керамики фрагментарен и не содержит выразительных форм. Заметим, что в Нижнем Притоболье орнаментация сосудов горизонтальными параллельными линиями, выполненными узким мелкозубчатым штампом (рис. 6-3, 12, 15, 16, 19 и др.), получила распространение в переходное время от неолита к энеолиту (в комплексах постсосновоостровского облика типа Гилево VIII¹⁷). Однако ни для сосновоостровской, ни для энеолитической (шапульского, липчинского и прочих типов) нижнетобольской керамики совершенно не типичны плоскодонные формы и наплывы на внутренней стороне стенок. Мощные оттянутые вниз наплывы амнинских сосудов аналогичны наплывам на посуде козловского и полуденского типов зауральского неолита. Такой индикаторный для заключительного этапа неолита лесного Зауралья и Нижнего Притоболья технический прием, как шагающая гребенка, в керамическом комплексе поселения Амня I представлен только однажды. И, наконец, в энеолите Прикамыя гребенчатая техника орнаментации в сочетании с ямочными вдавлениями является господствующей (жилище IA Амни I, Каксинская Гора III, Амня II; на последнем поселении все найденные в жилище 1 сосуды орнаментированы шагающей гребенкой). Сказанное в полной мере относится к энеолитическим комплексам всего северотаежного Приобья.

Таким образом, гребенчатая и прочерченно-накольчатая керамика укрепленного поселения Амня I представляется нам оригинальным, не имеющим прямых соответствий в неолите и энеолите Западной Сибири комплексом, сочетающим разнокультурные, архаические и хронологически поздние черты. Бо-

лее или менее ясен один из его компонентов: он бесспорно южного происхождения и связан с кошкинской или боборыкинской (второй вариант кажется нам более предпочтительным) культурой Среднего Зауралья и Нижнего Притоболья. Обе эти культуры в свою очередь обнаруживают сходство с поздне-неолитическими культурами Казахстанского Притоболья, степного Поволжья и Северного Прикаспия¹⁸. Южный компонент в материалах северотаежных памятников проявляется в сильно деформированном виде, что, вероятно, обусловлено продолжительным взаимодействием мигрантов и их потомков с аборигенным населением лесной зоны.

В отличие от керамики каменный инвентарь Амни I имеет вполне «таежный приобский» облик. Шлифованные ножи, тесла, наконечники стрел, абразивные инструменты, подобные амнинским, известны на поселениях неолита и, в значительно меньшей степени, энеолита Нижнего и Среднего Приобья (Честый-яг, Сартыня I, Хулюм-сунт, Геологическое VII, Сумпанья IV, Барсова Гора II/8 и др.)¹⁹. Техника шлифовки камня получила в северотаежной подзоне очень широкое распространение, причем именно в период позднего неолита²⁰. Отщеповая техника и высокий удельный вес кварцевых изделий в составе инвентаря также характеризуют каменную индустрию позднего неолита-энеолита данной территории. По типологическому набору амнинская коллекция не имеет существенных отличий от известных комплексов позднего неолита (к сожалению, последние практически не известны широкому кругу специалистов).

Впрочем, есть одна особенность, отличающая инвентарь Амни I: она заключается в сохранении вкладышевой техники (микропластины, призматические и конусовидные нуклеусы). Насколько можно судить по археологической литературе, в конце неолита микропластины в том или ином количестве (не более 7—10 %) постоянно встречаются только на поселениях боборыкинской культуры²¹. По мнению В. Т. Ковалевой, микролитичность и архаичность некоторых типов орудий является характерным признаком боборыкинской каменной индустрии²². Таким образом, при всей непохожести каменного инвентаря Амни I и боборыкинских поселений их объединяет присутствие в комплексах вкладышей. Мы затрудняемся дать оценку этому факту, но игнорировать его, видимо, нельзя.

Интересно, что амнинско-боборыкинские параллели прослеживаются не только в керамике, но и в домостроительстве. Общими чертами архитектуры жилых построек Амни I, Кирип-Вис-Югана 2 и поселений боборыкинской культуры являются: прямоугольная и квадратная форма котлованов, их небольшая площадь (25—55 м²), преимущественное расположение очагов в центре помещения, наличие материковых «столов». При этом, правда, жилища северотаежных поселений более глубокие (зем-

лянки и глубокие полуземлянки), тогда как боборыкинские строения углублены в землю на 0,5—1 м²³. По мнению многих исследователей-археологов и этнографов, землянки наряду с легкими наземными постройками являются древнейшим типом жилища населения лесной полосы Западной Сибири. Сформулированный в свое время З. П. Соколовым тезис о постепенном — от неолита до конца I тыс. н. э. — уменьшении площади жилищ и поднятии их на поверхность получил в последние годы многочисленные подтверждения²⁴. В настоящее время землянки-подземные дома рассматривают как стадияльное явление для неолита, а для других эпох они — скорее исключение, чем правило²⁵.

Как нам кажется, анализ амнинских материалов дает основание отнести укрепленное поселение к концу неолитической эпохи. Хронологическое положение этого памятника устанавливается в достаточно широком интервале: последняя треть IV — первая треть III тыс. до н. э. О более точной его позиции в системе временных координат сейчас говорить не приходится. Напомним, что верхнюю дату Амни I ограничивает комплекс культурных остатков из энеолитического жилища IA, перекрывающего котлован жилища I укрепленного поселения.

Отмечаемое сходство основных категорий инвентаря поселений Амни I, Кирип-Вис-Юган 2 и Сартынья I предполагает их культурную и хронологическую близость (не обязательно синхронизацию). Несоответствие в определении их временных границ (последняя треть IV — первая треть III тыс. до н. э. и середина — вторая половина III тыс. до н. э.)²⁶ устраняется, если, в связи с удревнением кошкинских и боборыкинских материалов Зауралья (V — IV тыс. до н. э.), пересмотреть датировку кошкинских памятников бассейна Северной Сосьвы. Тем более, что Е. А. Васильев относит формирование комплексов кошкинского и северо-сосьвинского типов к неолиту²⁷.

Думается, поселения Сартынья I, Хулюм-сунт, Амни I и Кирип-Вис-Юган 2 можно объединить в рамках оригинального культурного образования, своим происхождением обязанного — прямо или опосредованно — миграциям в северные районы групп зауральского населения (скорее, боборыкинской культуры, чем кошкинской). Новые природные условия и связанные с ними изменения в хозяйстве, взаимодействие с аборигенами лесной зоны обусловили трансформацию культуры мигрантов, но многие ее традиционные черты сохранились. Уместно напомнить в этой связи, что и в Среднем Зауралье население боборыкинской культуры существовало достаточно изолированно и на протяжении длительного времени сохраняло свою самобытность²⁸.

Вряд ли можно сейчас объяснить причины появления в северо-таежном Приобье в конце каменного века мысового двухплощадочного городища Амни I — единственного в своем роде

памятника, не имеющего аналогов не только в Западной Сибири или на Урале, но, похоже, и на всей территории северной Евразии (скорее всего, они лежат в области специфических этнических свойств). Неясно, заимствована ли идея фортификационного строительства (в Зауралье и Приуралье на некоторых неолитических поселениях обнаружены следы простейших укреплений в виде бревенчатых стен, например, на Полуденке I) или это самостоятельное изобретение. Ближайшие синхронные или более ранние мысовые городища известны в Молдавии и на Украине в культуре Триполье-Кукутени. В Средней Азии и на Кавказе в это время существовали укрепления иного типа²⁹. В лесной полосе Западной Сибири мысовые городища вновь появляются и получают распространение только спустя два тысячелетия — в конце бронзового и в раннем железном веке.

¹ См.: **Морозов В. М., Стефанов В. И.** Исследование в бассейне реки Казым // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989; **Стефанов В. И., Морозов В. М.** Энеолитический памятник в бассейне р. Казым // Проблемы финно-угорской археологии. Сыктывкар, 1992.

² См.: **Стефанов В. И., Морозов В. М.** Энеолитический памятник...

³ См.: **Борзунов В. А., Новиченков Н. Н.** Ранние укрепленные поселения финно-угров Урала // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988; **Борзунов В. А.** Укрепленные поселения Западной Сибири каменного, бронзового и первой половины раннего железного века // Очерки по этнокультурной истории Сибири. Томск, 1993. Т. 1.

⁴ См.: **Стефанов В. И., Морозов В. М.** Энеолитический памятник...

⁵ Заключение сотрудника Института экологии растений и животных УрО РАН П. А. Косинцева.

⁶ Предварительный технологический анализ амнинской керамики сделан И. Г. Глушковым (Тобольский пединститут).

⁷ См.: **Стефанов В. И., Морозов В. М.** Энеолитический памятник...

⁸ Авторы выражают искреннюю признательность сотрудникам лаборатории археологических исследований Уральского университета А. А. Погодину, обработавшему и описавшему коллекцию каменных изделий Амни I, и Л. Л. Косинской за ценные консультации.

⁹ См.: **Васильев Е. А.** Поздний неолит Нижнего Приобья // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тез. докл. Всесоюз. археол. конф. (Суздаль, 1987). М., 1987; **Он же.** Энеолит и ранний бронзовый век средне- и североазиатского Приобья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989.

¹⁰ См.: **Васильев Е. А.** Энеолит и ранний бронзовый век... С. 10, 11.

¹¹ См.: **Васильев Е. А.** Поздний неолит Нижнего Приобья... С. 59, 60.

¹² См.: **Васильев Е. А.** Энеолит и ранний бронзовый век... С. 11.

¹³ См.: Там же. С. 11, 12.

¹⁴ См.: **Ковалева В. Т.** Неолит Среднего Зауралья: Учеб. пособие по спецкурсу. Свердловск, 1989; **Она же.** Некоторые дискуссионные проблемы в изучении раннего неолита лесного Зауралья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы европейской части СССР. Ижевск, 1988.

¹⁵ См.: **Ковалева В. Т.** Неолит Среднего Зауралья. С. 48—59; **Она же.** Боборыкинская культура: (Итоги изучения) // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск, 1986.

¹⁶ См.: **Чернецов В. Н.** Древняя история Нижнего Приобья // МИА. 1953. № 35. С. 24, 56; **Косарев М. Ф.** Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. С. 22.

¹⁷ См.: **Дрябина Л. А., Пархимович С. Ю.** Поселение Гилево VIII // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991.

¹⁸ См.: **Ковалева В. Т.** Неолит Среднего Зауралья...; **Логвин В. Н.** Каменный век Казахского Притоболья: Учеб. пособие по спецкурсу. Алма-Ата, 1991; **Васильев И. Б., Выборнов А. А.** Неолит Поволжья: (степь и лесостепь): Учеб. пособие к спецкурсу. Куйбышев, 1988.

¹⁹ См.: **Чернецов В. Н.** Древняя история Нижнего Приобья; **Старков В. Ф.** Мезолит и неолит лесного Зауралья. М., 1980. С. 142—145; **Он же.** Неолитические памятники Нижнего Приобья // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975. С. 154, 155.

²⁰ См.: **Старков В. Ф.** Мезолит и неолит лесного Зауралья. С. 140.

²¹ См.: **Ковалева В. Т.** Боборыкинская культура... С. 24; **Она же.** Неолит Среднего Зауралья. С. 55, 59.

²² См.: **Ковалева В. Т.** Неолит Среднего Зауралья; **Она же.** Боборыкинская культура...; **Ковалева В. Т., Чаиркина Н. М.** Этнокультурные и этногенетические процессы в Среднем Зауралье в конце каменного — начале бронзового века: Итоги и проблемы исследования // ВАУ. Екатеринбург, 1991. Вып. 20. С. 59.

²³ См.: **Ковалева В. Т.** Неолит Среднего Зауралья. С. 50—54.

²⁴ См.: **Соколова З. П.** К истории жилища обских угров // СЭ. 1957. № 2; **Морозов В. М.** Средневековые поселения и постройки Сургутского и Нижнего Приобья // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск, 1986. С. 103—107; **Борзунов В. А., Кирюшин Ю. Ф., Матюшенко В. И.** Поселения и жилища эпох камня и бронзы Зауралья и Западной Сибири // В печати.

²⁵ См.: **Борзунов В. А., Кирюшин Ю. В., Матюшенко В. И.** Поселения и жилища...

²⁶ См.: **Васильев Е. А.** Энеолит и ранний бронзовый век... С. 11.

²⁷ См.: Там же. С. 20.

²⁸ См.: **Ковалева В. Т.** Неолит Среднего Зауралья. С. 58.

²⁹ См.: **Борзунов В. А.** Укрепленные поселения Западной Сибири...

О. В. РЫЖКОВА
Нижнетагильский пединститут

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА СВЯЗЕЙ ДЛЯ СОЦИАЛЬНЫХ РЕКОНСТРУКЦИЙ (по материалам поселения Ташково II)

При раскопках памятников археологи нередко сталкиваются с ситуациями, когда фрагменты от одного сосуда, керамического или каменного изделия разбросаны на значительном расстоянии друг от друга. Зачастую подобные случаи рассматривались как любопытные свидетельства производственной деятельности древних людей либо им вовсе не придавалось никакого значения. Впервые случаи подборки, склеивания артефактов из обломков, найденных на разных участках памятника, попытался объяснить французский археолог А. Леруа-Гуран. Эти явления он назвал связями и увидел в них один из важнейших источников для реконструкций бытовой обстановки¹.

Так, благодаря точнейшим планиграфическим наблюдениям за характером разброса кремневых изделий исследователю